

Пласт

Иосиф
КУРАЛОВ

100

100

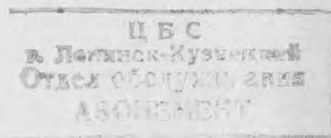
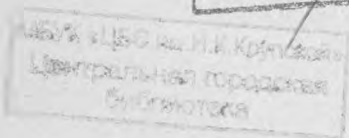
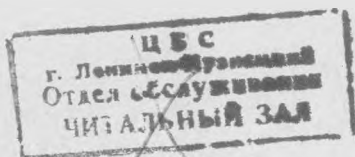

Иосиф
КУРАЛОВ

ПЛАСТ

СТИХИ

Кемеровское
книжное издательство
1985

ББК 84.3Р7
К 93

Рецензент Ю. П. Кузнецов

Куралов И.

К 93 Пласт: Стихи в кассете «Первый горизонт». Вступ. слово Ю. Кузнецова /— Кемеровское кн. изд-во, 1985.— 56 с.

15 к. 4 000 экз.

«Характер поэта угловат, непримирим к компромиссам. Гражданский пафос органично переходит в задушевный лиризм, лирика расцветается ироническими интонациями» — так определяет Ю. Кузнецов во вступлении к первой книге сибиряка основную особенность его поэзии. И. Куралов — уроженец г. Прокопьевска, окончил институт культуры, живет в Кемерове; публиковался в журнале «Сибирские огни», альманахах «Истоки», «День поэзии — 1983».

К 4702010200—23 85
М 145(03)—85

ББК 84.3Р7

© Кемеровское книжное издательство, 1985

О ПОЭТЕ

Иосиф Куралов — поэт суровой судьбы. Он родился среди террикопов Прокопьевска. И вместо земли под ногами у него был «серый камень, черная зола», а меж тем его душа всегда стремилась к высокому. Недаром в его стихах часто мелькает и сквозит синева. И это не только зрительный образ, но и символ высокой духовности. Поэт способен преобразжать в красоту далекие от нее вещи:

Даже то, что становилось паром
И как будто жило наяву,
Подымалось газом и угаром,
Даже дым! — отлился в синеву.

Иосиф Куралов предельно честен к слову в самом высоком его значении. За слово надо платить жизнью и судьбой, он это понимает.

Ах, какие светлые слова
У поэтов на земле Кузнецкой:
«Тихий плес», «тали́на», «синева»,
«Лес», «трава», «озера», «перелески»...

Я стою и слез не вытираю,
Явные приличия поправ.
Половину этих слов не знаю,
На другую не имею прав.

Такие строки диктует только сама совесть. Да, пусть другие ищут светлые красивые слова, Куралов — не может, для него это будет ложь, красивый самообман. Он верен правде. Это правда нелегкого детства, пропитанного едкой угольной пылью.

Характер поэта угловат, резок, непримирим к компромиссам. Талант неоднороден, богат гранями. Гражданский пафос органично переходит в задушевный лиризм, лирика расцветивается ироническими интонациями. Кстати, наиболее совершенные стихотворения Куралова — иронические. Например, «Аляулю!», «Воспоминание о Клавдии Кардинале». Стих поэта не лишен шероховатости, и, надо сказать, кое-где автору не хватает вкуса и мастерства. Впрочем, это дело наживное.

Талант молодого поэта обещает немало, и я рад его приветствовать.

Юрий Кузнецов

* * *

Даль разламывая, ветер
Громко стонет в проводах.
Двести лет живет на свете
В пролетарских городах.

Но родней ему и ближе
Не в железины греметь —
Раскрутив солому с крыши,
В тонких дудочках звенеть.

ТЕРРИКОНЫ

Наполняя гулкой тишиною
Все равнины брошенной земли,
На восток горбатою волною
Терриконы старые ушли.

В них — минувших дней преображенье,
Пятилеток главные дела.
Узнаю: земное притяженье —
Серый камень, черная зола.

Даже то, что становилось паром
И как будто жило наяву,
Подымалось газом и угаром,
Даже дым! — отлился в синеву.

А внутри у терриконов память,
Прежней жизни прогоревший след.
Может быть, руками каждый камень
В эту пустоту слагал мой дед?..

Терриконы затемняют небо.
Прошлое! Хоть ты благослови
Пасынков промышленного хлеба,
Памятники горя и любви.

1 9 5 3

Еще была картошка пропитаньем.
И клокотал на кухнях чугунок.
И реял флаг над деревянным зданьем,
И транспорт гужевой вовсю волок.

Еще комсорги «Беломор» курили,
И не было в продаже сигарет,
И ордена по праздникам носили,
Которых у парторгов нынче нет.

Еще отцов мальчишкам не хватало.
Пузатых, крепкогорлых сорванцов
Сама Россия — двойнями — рожала:
Их надо было больше, чем отцов.

А мамки разъясняли сорванцам,
Что их в капустной грядке находили.
— Ты от отца? А я родился сам.
Не верили. А мы им морду били.

ДОВОЕННАЯ МНОГОТИРАЖКА

Слова тяжелые пошли.
Физическая тяжесть слова —
Суть притяжение Земли
И бытия первооснова.

«Двадцатый год».
«Тридцатый год».
«Война».
«Разруха».
«Пятилетка».
Размах строительных работ
Вместила краткая заметка.

Газеты этой нет давно.
Тираж во времени развеян.
Но контур слова все равно
Из тьмы всплывает,
Бронзовея.

* * *

Однажды ночью, пыль вздымая
И полня гулом грудь земли,
По городским путям трамвая
Колеса Армии прошли.

Они везли в чехлах тяжелых
Тела заоблачных ракет.
Но солнце, как большой осколок,
Бросало сумеречный свет.

А люди спали и не знали,
Откуда посреди весны
Им прямо в уши грохотали
Наполненные тьмою сны.

* * *

Фашисты подожгли хлеба.
Пылает Родина до неба.
Глядит старик: видать, судьба...
А что судьба без корки хлеба?

Тут верь в судьбу или не верь —
Огню и гневу накаляться.
Где только силы взять теперь,
Чтобы беде сопротивляться?

Чтобы свою родную речь
Не позабыть при нищей пище,
Москву и Родину сберечь
Во всем объеме и величье.

Тут путь один и нету двух.
Мы в этом знанье преуспели.
Вновь спас Отчизну русский дух —
Могучий дух в голодном теле.

* * *

Ты захочешь туда, где мороз
Отбирает последние листья
И проталины белых берез
Не смогли в синеву воплотиться,

Где ажурные стонут столбы,
Словно в них воплотилась природа.
— Ну, куда ты бежишь от судьбы?
— Хоть куда, распахнулись ворота.

Убегай или не убегай,
Не поймут в самой гуще народа.
Над оградой прокатится лай
И стенами окружит свобода.

СОЛОВЕЙ

Соловей свистит на свалке,
Где железный лом.
По оглохшей ржавой балке
Серым бьет крылом.

Коренного перелома
Времена...
Смотри,
Перестук металлолома
И — птенец внутри.

Как попал туда ты, милый?
Ветром занесло?
Или веток не хватило?
Или всем назло?

Что же, брат родной и звонкий,
Не смолкай! Свисти!
Я в ответ на свист твой тонкий
Замолчу.
Прости!..

* * *

Ах, какие светлые слова
У поэтов на земле Кузнецкой:
«Тихий плес», «талина», «синева»,
«Лес», «трава», «озера», «перелески».

Я стою и слез не вытираю,
Явные приличия поправ.
Половину этих слов не знаю,
На другую не имею прав.

ШАХТЕР С УЛИЦЫ МАНЕИХА

Над Манеихой пыль клубится,
Упирается в небосвод.
Занавески висят из ситца
В доме, окнами в огород.

— Помнишь, как ты вчера явился? —
Говорит жена под окном. —
Долго б этот пиджак носился,
Если б ты не валялся в нем.

Если б пил не на всю зарплату,
Если б жил, как Петров Иван,
То поставили б новую хату.
— Ну, пошел я, — смеется Степан.

Он жену свою обнимает,
Он целует ее в уста.
Он — мужик, он все понимает:
Баба, что она? Суета.

А Степан идет, улыбаясь,
Он всегда и во всем такой:
Или трудится, в пласт врубаясь,
Или праздник празднует свой.

* * *

Обвал. Обвалище. Обвал.
По ним природу познавал.
Им несть числа. Но есть число —
Веранду в пропасть унесло.

Семья цела. Она спала.
А дочка утром в дверь ушла.
Сгорел в печи далекий крик.
Давно переселили их.

Давно живут на целиках
И видят солнце в облаках.
И пол в бараках не дрожит,
Когда взрывают аммонит.

Давно породой заросло,
С землей сравнялось то число.
Или заполнилось водой —
И снеговой, и дождевой.

ПРАЗДНИК

Портреты. Флаги. Серп и молот.
И почки верб, и — юн мой город!
Со всех сторон людской прибой.
А свет у неба — голубой!

И солнце так по этажам
Прозрачной кистью провело,
Что зазвенело вдруг стекло
И свет плеснуло по глазам.

Куда девать напор весенний?
Избыток солнца и огня!
Прокошьевск рушится в веселье,
И Первомай несет меня
В колонны наших демонстраций,
К трибуне, к флагам, к горнякам,
К Коммунистическим векам!
Весна грядет! Я рад стараться,
Хочу по городу шататься,
Смеяться и с толпой сливаться,
Носить Светланку на руках,
Забыв — от счастья! — о стихах.

Все! Не ударит больше стужа!
Тепло отныне на земле.
И воробей забрался в лужу
Уже совсем навеселе!..

СИРЕНЬ

Еще в глуши небесных скважин
Не намечался новый день,
Но, размахнувшись светом в сажень,
Горела облаком сирень.

Все лепестки, взорвавшись светом,
Пылали в полной тишине.
А то, что называлось летом,
Уже маячило в окне.

Оно звало и трепетало.
И, потрясая этажи,
Над черной копотью металла
Взошло сияние души.

МБУК «ЦБС им. Н.К.Крупской»
Центральная городская
библиотека

Ц Б С
г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел обслуживания
АБОНЕМЕНТ

* * *

Я — угля пласт. Во тьме лежу
Под тяжестью тысячелетней
И сквозь породу вверх гляжу,
И не могу я стать заметней.

И не могу пробить я лбом
Всю толщу каменной породы.
Мои придавленные годы
Заброшенным лежат пластом.

Мне остается спать да спать.
И становиться все плотнее.
Им, на поверхности, виднее,
Откуда пламя добывать.

Так жизнь прекрасного порыва
Спрессовывается до взрыва.

* * *

Я на небе прочел в просыхающей мгле,
Что в далеком году проживал на земле.

Раньше солнца вставал и всходил на коня,
И четыре огня провожали меня.

Я в четыре пространства один уходил.
Конь скакал и копытами по свету бил.

И ложилась в траву за верстою верста.
А теперь наяву только пар ото рта.

* * *

Будто сталью одной обожгло,
Будто нитью одною прошило,
Будто ожило то, что жило,
Или умерло то, что не жило.

Ах, да это приходит весна
После долгой томительной спячки.
Вот и мрачная голубизна
Закипает в небесной раскачке.

Облака. Облака. Облака —
Над вершиной панельного дома.
И уходит в пространство рука,
Притяжением неба влекома.

Вот и стукнуло время, когда,
Даже если дышать осторожно,
От судьбы, от суммы, от суда,
От себя убежать невозможно.

* * *

Я ничего не помню!
Что было — позабыл.
Катилось солнце к полдню,
А я счастливый был.

Мелодия звучала,
Лилась издалека,
Нисколько не крепчала,
А плавала слегка.

Я шел не по дороге,
А с краю, где столбы.
Передвигались ноги
По воздуху судьбы.

А там, в дали отвесной,
Зеленый жук гудел.
И кто-то неизвестный
В мои глаза глядел.

* * *

На горло песне наступать —
Или не надо?
Ложиться в срок и засыпать —
Или не надо?

Жениться в срок, детей родить —
Или не надо?
А после в люди выводить —
Или не надо?

И по календарю стареть —
Или не надо?
И в срок улечься, умереть —
Или не надо?

ВЕСЕННЕЕ КАТАНИЕ НА ЛЬДИНАХ

Нам десять лет. Сопит и дышит
Клубок окраинной братвы.
Дымятся шиферные крыши
От неоглядной синевы.

Ах, как хватает нам калорий!
Как страшных тайн недостает!
А льдина... льдина... раскололась...
И шест до дна не достает!..

В пимах, ушанке, полушубке
Ушел под льдину с головой,
В воде крутился ледяной,
И было вовсе не до шутки.

И все же выплыл и доплыл,
И все же выбрался на берег,
Уже — живой, еще — не веря.
Мороз крепчал и колотил.

А дома выдрали вначале,
Чтоб стали горячее вдвойне
Духовки жар, малина в чае
И вопли редьки на спине.

Ни о чем жалеть не надо:
Что прошло — не возвратится.
За осколок листопада
Мне бы как-то уцепиться.

Чтобы он понес по свету,
По волнам души, играя.
Облететь бы с ним планету,
От восторга умирая.

Матерьяльные желанья
Не преследуют отныне.
Только б слышать до скончанья
Запах хлеба и полыни.

Только б чувство, только б слово
Не растратилось вовеки.
Только б знать, что листья снова
По весне взлетят на ветки.

ПАМЯТИ ДЕДА

Покрыт хвоею погребальной,
Охвачен красным крепом гроб.
Уснул мой дед. Над ним овальный
Стоит кладбищенский сугроб.
И — памятник индустриальный.

Мороз. Толпа пошла в ворота.
Не стынут слезы на глазах.
Эпоха промпереворота
Остановилась на часах.

И было мне под небом больно!
Свежо, таинственно, привольно
На запад ветер пролетал
И в сумрачные лапы сосен
Холодный воздух заплетал.
Но был невыносим, несносен
Тот стук металла о металл!..

Издалека он доносился,
Из первобытной тишины,
И в белый воздух тенью взвился
Огонь — и искрами дробился,
А в нем двоился иль троился
Дух пятилеток и войны.

Так террикон внутри сгорает,
Когда бунтует пустота.
Но он еще не умирает.

Над синевою отлита
Еще победной жизни дымка,
Еще живем мы и горим!
Еще с пространством говорим!
Еще огонь, как невидимка,
Живет свидетельством тех лет,
Когда мой дед трудился в мире,
Ходил в брезентовой порфире,
Из камня высекая свет!

А здесь, под лампою стосильной,
Воображение мое
Зовет, минуя холм могильный,
Родного деда — в бытие.

Кто виноват, кто прав — не разобрать.
И не желаю в этом разбираться.
Бьет в душу быт: квартира, сплетен рать,
Родня, фигня, арабская кровать,
Которой ради надо упираться
И на которой надо умирать.

Быт, говорят, красивым быть должен.
Как за стеклом хрустальные фужеры.
Приятные у дочек ухажеры,
Солидные любовники у жен.

Ты должен пуговицами блистать,
При этом отражаться в женских взорах,
И фразы из подкормки извлекать,
И сразу наудачу изрекать
В быту домашнем, при закрытых шторах,
И дрыгать ножкой в петушиных шпорах.

— А? Что? Монтень?
— Нет! Что вы! Пастернак!
— Цветаева?
— Ах! —
матова!

— Андрюша?
Покрит культурным слоем Ростиньяк.
И в пятачки подпольной клички Хрюша
Из всех щелей культура так и лезет.
Но кто ее, когда — уравновесит?
Из рюмочки он аккуратно «вмажет».
Он, погоди, себя еще покажет.

А чтоб не показал, не «вмазал» чтоб,
Я бью строкой в его чугунный лоб.
Я бью в набат с разбитых колоколен.
Смеется. Улыбается. Доволен.

* * *

Когда смогу я сочинить
Простейшее стихотворенье
И критиков столпотворенье
Его не сможет объяснить,

Когда меня застигнет свет,
Когда я просто миром стану,
Я объяснять себя не стану.
Меня давно на свете нет.

* * *

Я позабыл, что свет зеленый
Когда-то был зрачками глаз,
Что этим светом тлели клены
В последний раз и в первый раз.

Наверно, мир не шелохнулся,
Когда, стирая горький страх,
К твоим губам я прикоснулся
И вдруг возник в других мирах.

Я в них возник светло и резко,
Как сотни звезд! И вглубь упал!
И ветром сбило занавеску.
Я только тело обнимал.

Но даже этот миг единый,
Единый, незабываемый миг
Я заволакиваю дымом
За то, что не разбился мир!

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Уж я не плачу, я не плачу,
Не выражаю ничего.
Решаю трудную задачу
Исчезновенья твоего.

Уж не горюю, не горюю
И не кричу во тьму: постой!
Твое сияние целую
На фотографии простой.

На фотографии румянец
От поцелуев не горит.
А равнодушно светит глянец
И ничего не говорит.

* * *

Поэт молчит. Мальчишки пишут,
Такие наглые сперва,
И с каждым днем труднее дышат
Первоначальные слова.

Но как повертывать их к свету?
И как значенье означать?
Чтоб шли к единому ответу,
Когда не можешь промолчать?..

РАСПУТИЦА

1

Распутица расступится,
Начнется благодать.
А где моя попутчица?
В пространстве не видать.

Хожу один по городу
В бессмысленной тоске.
Отращиваю бороду
И проседь на виске.

Сидели с ней мы, окали
На каменном крыльце,
Да все вокруг да около,
Да глазки на лице

Она привычно щурила
И думала, видать:
Однако, по плечу ль ему
Стихи свои издать?

Заботами заваленный
О тех же все делах,
Я думал о завалинке,
Фуфайке и пимах.

Как мы с моей старушкой
Сидели бы ладом
И свежей пахнул стружкой
Снаружи бы наш дом.

А чтобы изнутри-то он
Печным огнем не гас
И дверь всегда открытою
Была в доме у нас.

И мы с моею ладушкой
Годов двадцати двух
Выращивали б медленно
Двух отроков младых.

2

...Как будто на портретике,
Не шевелясь, сидеть,
Она бы — не в беретике,
И — в позе бы неброской,
Но с розою в прическе.
И есть, чего надеть.

А мне б лицо славянское
На снимке том иметь.
И чтобы чуб ржаной
Торчал из-под околыша
И тоже был бы мой.
А сам бы я — худой,
В защитной гимнастёрчке,
С медалью на груди.
А жизнь бы — впереди.

Чтоб это фото наше нам
Разглядывать потом.
И губы, напорежены,
Держала бы бантом.

И чтоб гремела полечка
По радио страны,
Как будто только-только
Я с той пришел войны.

Как будто, ожидаючи,
Измаялася вся,
На шарике летаючи,
На ниточке вися.

И все-таки дождалася
За пять-то этих лет.
И чистою осталася,
И подозрений нет.

Распутица расступится,
Загромыхает гром.
Ты где, моя попутчица?
В пространстве мировом?

* * *

Кто из полей меня зовет?
Куда идти прикажешь, голос?
Иду к тебе, в траве по пояс,
Вдыхая влажный ветра лет.

Ты кто? Ты из каких глубин?
В каком ты явишься обличье?
Любимый голос! Я — один!
А ты?
...Но только стоны птичьи!..

* * *

Помню я прощанье это,
Звездный гул над головой.
Три минуты до рассвета.
Отвернулась: я — не твой.

Отвернулась до рассвета.
Разошлась на небе мгла.
Как все просто вышло, Света!
В голубой вагон ушла.

Звезды слезы присушили.
Стал я счастлив, как дитя.
Пассажиры мельтешили,
Чемоданчики вертя.
Были весело обуты.
Это душу отвело.

Три минуты, две минуты...
Солнце к вечеру взошло.

* * *

Ах, как пышно запыхалось кружевцо!
Под ладошками запрятала лицо.

Где уж нам уж жаркий свет ваш угадать!
Прибежала. Теперь будешь убегать?

Побежишь, так догоню ведь все равно.
И не знаю, то ль вести тебя в кино,

То ли сразу в алы губы целовать,
То ли два упругих кружева вдыхать.

* * *

Стоит средь всех, свежее ветра,
С зеленым огоньком в глазах.
А через час проснется верба
И лопнут почки в небесах.

Стоит в распахнутом пальтишке.
Звенит напористый трамвай.
А белый фартук светом дышит,
Хоть свет в ладони собирай!

И нет на пальце перстенька!
И просто губы — не помада.
Она — сама, как есть, пока —
И драгоценность и награда!

ПИСЬМО

Ты не нужна мне телефонная.
Ты мне нужна совсем другая.
Ты не нужна мне законная.
Нужна законная. Нагая.

Ты мне нужна дыханьем близкая.
Хоть худенькая, хоть прозрачная,
Хоть сладкая, во рту с ирискою,
Хоть горькая, как жизнь барачная.

Будь ты — учительница школьная,
Будь — воспитательница детская,
Метель февральская и вольная,
Иль — домоседка с занавесками.

Или пошло все прахом, пронадом?
Пятно ль огня все происшедшее?
Теперь я сумасшедший с опытом.
Ты — с опытом, не сумасшедшая.

* * *

Больше тебя я любить не могу.
Хватит. Не плачу. От боли не лгу.

Память измучив, святое кляня,
Знаю, что ты позабыла меня.

Знаю, по линиям боли скользя,
Так позабыла, что вспомнить нельзя.

Тает и рвется холстина тоски.
И заматают дорогу пески.

И ничего уже не остается.
Тает и рвется. Тает и рвется.

АЛЯУЛЛЮ!

Аляуллию! — свищу в два пальца.
Звенит в ответ твое окно.
Скорей по лестнице спускайся!
Пойдем, пожалуйста, в кино!

Прокопьевск высвистан апрелем!
И с крыш — когда, куда хотят, —
От ветерочка озверели,
Аляуллиючки летят!

Театр, витрины, магазины,
Копры, балконы, терриконы...
И ты — со мной, и я — с тобой —
Просвистан трелью голубой!

Звени-играй, сквозная скрипка!
Хватай всю душу в оборот!
Пуškai цветет моя улыбка
Пошире заводских ворот!

Аляуллию! — ручки стремятся.
Аляуллию! — скучай, тоска.
Давайте, люди, обниматься.
Покрутят пальцем у виска...

Ну да! Ну да! Совсем с приветом!
С хорошей девочкой при этом!
Идем вперед! На красный свет!
Апрель! Капель! Семнадцать лет!

ВОСПОМИНАНИЕ
О КЛАУДИИ КАРДИНАЛЕ *

Когда я был сентиментальный,
А в Армию меня не звали,
Приколотил я к стенке спальни
Портретик Клавы Кардинале.

Она изящно улыбалась,
А я был юн и независим.
И сердце дрожью отзывалось,
Но мой поступок был бессмыслен.

Она меня совсем не знала,
А я ее почти не знал.
Она другого обнимала.
И я другую обнимал.

Была такая чувств облава
При попустительстве погоды.
Хотя, возможно, я и Клава
Друг друга стоили в те годы.

* Клаудиа Кардинале — итальянская киноактриса.

ЗВЕЗДА

Мы с ней по улице гуляли
При свете бархатных светил.
Болтали, камешек пинали
И ваньку с дурочкой ломали.
Я на руках ее носил.

Она была легка
И звездно
Мне улыбалась с тех высот,
Куда поклонник вознесет
И не вернуть оттуда. Поздно!

А вы, ребятки, никогда
На девочек так не глядите,
Когда взаимности хотите,
Иначе будет вам беда.

Звезда — глупа. Пускай не знает,
С каких высот она сияет.

МИРАЖ

По дороге идет солдат.
Солдат идет с войны.
Дорога хорошо-о-о видна.
Вдали показалась баба.
Баба стоит на дороге.
И прозрачна как будто,
И вроде бы в дымке она...
Стоит так баба на дороге
И платье через голову снимает.
Солдат пошел быстрее.
Баба стоит на месте.
А не приближается.
Солдат идет,
Баба стоит.
Солдат идет,
А она стоит.
Солдат бежит,
А баба — сквозит.
Солдат еще быстрее бежит,
Пить хочет.
Добежал до ручья,
Приник губами к воде,
Попил.
Глядь на дорогу,
А никакой бабы нет на дороге.
— Эх, черт! — сказал солдат.
Махнул рукой.
И пошел нормально.
И песню запел.

* * *

Опять метла гуляет по аллее,
Метет пространство в разные края.
А хмурая витрина бакалеи
Стоит на страже правды бытия.

Но листики взлетают нереально,
Растаивают в небе и свистят.
А дворничиха думает: «Нормально!»
И у нее глаза чуть-чуть блестят.

«Пусть листики, как хотят, поступают,—
Так думает она.— Пускай свистят,
Пускай они и по небу летают,
Что хорошо — на землю не летят»

Да, были эти листики и вправду
От городского быта далеки.
А дворничихе — премию в награду
За труд. И реализму вопреки.

* * *

Навоз возами привозили.
Пятнадцать ровно. Каждый год.
Они лежали и дымили.
Дышал под солнцем огород.

И, весь в клубах веспы и света,
Мой дед парник сооружал.
И сей продукт, насквозь прогретый,
Лопатой в яму загружал.

А сверху засыпал землею —
Еще черней, чем антрацит.
Сажал. И поливал водою.

Летело лето к цветостою.
И, выбив рамы головою,
Летели к солнцу огурцы.

* * *

Был мерой доблести синяк,
А правдой управлял кулак.
За терриконами сходились,
А после врали и хвалились.

А если зубы выбивали,
То и тогда не унывали.
Был очевиден неуспех,
Зато плевали дальше всех.

* * *

А я придумал стих для песни!
Всего, подумаешь, строка!
Но настроение чудесней
И к солнцу тянется рука.

И вот лечу, лохматый инок,
Туда, где места не найти.
И по следам моих ботинок
Весь город можно обойти.

Оживший после зимней спячки,
Ступаю польским каблуком,
Курю «Опал» из смятой пачки
И не жалею ни о ком!

К чертям корявые созвучья,
Сквозную тягу гласных букв,
Тетради, перья, авторучки,
А также четки и клобук.

Прокопьевск! Сколько света, сини
В твоей сквозной голубизне!
Волной качаются разини.
— Вы что увидели во мне?

Гляжу во все глаза гражданкам.
И все вокруг полно огня:
И этот тополь долгожданный,
И эти солнца в окнах дня!

ПОЭЗИЯ

Приметы времени незримо
Дыханьем наполняют стих.
Они вовек неповторимы,
Чтоб мы срисовывали их.

Взволнован мир, прозрачен воздух
И рифма стройная легка,
Когда, обманчивые, в звездах
Боками светят облака.

Кружись, пылинка, как планета!
Гори, ночей моих звезда!
Есть край земли, но края света
Никто не видел, никогда.

И, отрываясь не от края
Затерянной во мгле Земли,
В пыли вселенской не сгорая,
Лучи Вселенную прошли.

И потерялись вновь в просторах
Необъяснимого кольца,
В таких неведомых, в которых
Начала нет и нет конца.

И такова окраска ритма,
Да что там сказки говорить!
И потому неповторима,
Что никому не повторить!

СВОБОДНЫЙ

Проходил веселый и надменный
По Фасадной улице — вперед.
В белых джинсах, ультрасовременный,
На подошвах... черт их разберет.

Заводил гитару, как шарманку,
Говорил невнятные слова.
И глядел цыганом на цыганку,
У нее кружилась голова.

А она, попутчица немая,
Без небес в расширенных глазах,
Отвечала, туфельки снимая,
Облизав помаду на губах.

— Я спляшу тебе, а ты попробуй
Так сыграть, как раньше не играл.
Чтобы жили мы с тобой до гроба,
Чтобы звук в струне не умирал.

Чтобы знали все, что ты — свободный
И не пожалел ты для меня
В самом центре площади народной
Ни руки, ни сердца, ни огня!

* * *

Легковесный снег какой-то!
Все не падает никак!
Ну скажи себе: спокойно!
Убеди себя: пустяк!

Пусть, как хочет он кружится,
Не ходи глядеть в окно.
С миром целым не ужиться.
Снег летит... Не все равно?

* * *

Кем может стать сей человек?
Авантюристом.
Но мысль его чиста, как снег,
Что в поле чистом.

А в поле чистое, туда,
Где три дороги,
Его не возят поезда,
Не носят ноги.

Лишь только по утрам, во снах,
Он там бывает.
И на покатых облаках
Он там летает.

ВЕТЕР ТРАВ

Я снова родину ищу!
Иду от крупноблочных зданий
Туда, где свет похолоданий
Ложится на крыло грачу.

В пространстве я свой холст простер,
Где все родной земли изломы,
И даль полей, и долгий взор,
И дым над деревянным домом.

Вот резкий спуск, а вот подъем.
И ветер трав в пространстве ожил!
И предо мной — родимый дом,
В котором я и дня не прожил.

Исчезнет он, и закричу!..
Как ни мучительно б звучал он,
Мотив, который я ищу,—
Я только здесь, вот здесь хочу
Означить родины начало!

И, мысль холодную поправ,
Я сердце чувствами взрываю.
Прокопьевск!
Шумный ветер трав!
Сибирь!
Страна моя родная!

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе. Юрий Кузнецов	3
«Даль разламывая, ветер...»	5
Терриконы	6
1953	7
Довоенная многотиражка	8
«Однажды почью, пыль вздымая...»	9
«Фашисты подожгли хлеба...»	10
«Ты захочешь туда, где мороз...»	11
Соловей	12
«Ах, какие светлые слова...»	13
Шахтер с улицы Манежа	14
«Обвал. Обвалище. Обвал...»	15
Праздник	16
Сирень	17
«Я — угля пласт. Во тьме лежу...»	18
«Я на небе прочел, в просыхающей мгле...»	19
«Будто сталью одной обожгло...»	20
«Я ничего не помню!...»	21
«На горло песне наступать...»	22
Весеннее катание на льдинах	23
«Ни о чем жалеть не надо...»	24
Похороны деда	25
«Кто виноват, кто прав — не разобрать...»	27
«Когда смогу я сочинить...»	28
«Я позабыл, что свет зеленый...»	29
Сентиментальное стихотворение	30
«Поэт молчит. Мальчишки пишут...»	31
Распутица	32
«Кто из полей меня зовет?...»	35
«Помню я прощанье это...»	36
«Ах, как пышно запыhalось кружевцо!...»	37
«Стоит средь всех, свежее ветра...»	38
Письмо	39
«Больше тебя я любить не могу...»	40

Аляулюю!	41
Воспоминание о Клаудии Кардинале	42
Звезда	43
Мираж	44
«Опять метла гуляет по аллее...»	45
«Навоз возами привозили...»	46
«Был мерой доблести синяк...»	47
«А я придумал стих для песни!..»	48
Поэзия	49
Свободный	50
«Легковесный снег какой-то!»	51
«Кем может стать сей человек?..»	52
Ветер трав	53

Иосиф Абдурахманович
Куралов

П л а с т

С т и х и

В кассете
«Первый горизонт»

Редактор Т. И. Махалова
Художник А. С. Ротовский
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор Е. И. Тимошук

ИБ № 1070

Сдано в набор 19.02.85. Подписано
к печати 07.06.85. ОП07283. Формат
70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Гарнитура Обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 2,05.
Усл. кр. отт. 2-19. Уч.-изд. л. 1,39.
Тираж 4000 экз. Заказ 5638. Цена
15 к. Кемеровское книжное изда-
тельство. Полиграфкомбинат. Ад-
рес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноград-
ская, 5.

15 к.

Иосиф Куралов
родился в 1953 году
в Прокопьевске
Кемеровской области,
окончил Кемеровский
институт культуры,
работал в газете
«Шахтерская правда».
Его стихи печатались
в периодике,
в альманахах «Огни Кузбасса»,
«Истоки».
Живет в Кемерове.

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО